

Глава 86. Интерлюдия: День сотворения бога

Долгое время спустя она заговорила с Ли Вэем тоном, словно в бреду:

— Если присмотреться, вы с ним немного похожи.

На лице Ли Вэя появилось выражение с примесью отвращения и нетерпения:

— Да, возможно, немного похожи. Так что он всё-таки сделал?

— ...

Белая верблюдница долго мялась, а потом сквозь зубы сказала:

— Ты друг Маджера, а друг друга — тоже друг. Я могу открыть тебе эту тайну. Но если потом выяснится, что ты заодно с Судьёй, я... я...

Она ещё долго тянула своё «я...», но так и не придумала ничего по-настоящему грозного. В конце концов мрачно сказала:

— Ты когда-нибудь задумывался, как рождаются боги Потустороннего мира?

Почему вообще появляются «боги»?

Ещё в самый первый раз, когда Ли Вэй встретил богиню смерти и принёс ей в подношение жареную курицу, он уже задавался этим вопросом: откуда взялась богиня смерти? Неужели земные мифы и легенды — правда? И кроме неё, есть ли в Потустороннем мире другие божества?

Самые набожные верующие, возможно, сказали бы, что боги появились раньше людей и сотворили этот мир. Но материалисты и сторонники теории эволюции смотрели бы на это иначе.

И теперь белая верблюдница, которую называли богиней, дала свой ответ:

— Мы не говорим о богах из реальных религий — о Боге, Аллахе, Будде и им подобных. Речь только о богах Потустороннего мира, то есть обо мне и о начальстве Чёрной свечи. Они рождаются из человеческой веры. В каком-то смысле можно сказать, что именно люди создают богов.

Мысль была не особенно новая.

Человек, который в эпоху информационного взрыва прочитал немало сетевых романов, Ли Вэй внутренне никак не отреагировал.

Белая верблюдица продолжила:

— Я не могу рассказать тебе, как именно это происходит. Потому что много лет назад был один человек — такой же, как ты: любопытный, дружелюбный, полный горячего энтузиазма. Он разузнал способ сотворения бога, пришёл в сердце пустыни, с огромным трудом выполнил все условия и в тогда ещё хаотичном, не до конца оформленном Потустороннем мире стал свидетелем рождения божества. Но как раз в тот момент, когда новорождённое божество собиралось выразить ему благодарность...

Он забрал кости, державшие верблюдицу.

Ли Вэй молча додумал это про себя.

— Он вырвал основу, на которой держалась богиня, — сказала белая верблюдица. — Это должен был быть источник моей силы, существо, равное по положению началству этой свечи. А теперь от него осталось одно имя. Лишь я и несколько моих ослабевших братьев и сестёр ещё как-то сохранились.

— Богиня моя, да ладно? Серьёзно? — потрясённо спросила Чёрная свеча. — И как он вообще это провернул? Человек и бог, даже только что рождённый, — это ведь существа совершенно разного уровня. И потом, Потусторонний мир — это же, по сути, его логово. Получается, он прямо у тебя дома родителей в заложники взял?

— ...

Белой верблюдице было нечем возразить. Она уныло поникла и сказала:

— В общем, да, примерно так и было. А что я могла сделать? Я всего лишь жалкое воплощение крошечной части божественной силы.

Слишком уж жалко это звучало.

Ли Вэй утешил её:

— Не грусти. По крайней мере, ты не единственная жертва Райнера Ливиуса.

Верблюдица шумно фыркнула:

— От мысли, что он, возможно, навредил и другим богам, мне сразу стало легче.

— ?

Ли Вэй спросил:

— Ты только что сказала, что у тебя есть и другие братья и сёстры? Неужели, даже объединившись, вы не можете справиться с Райнером Ливиусом?

Белая верблюдица ответила вопросом на вопрос:

— Для начала, ты не мог бы не произносить его имя?

Ли Вэй неохотно пожал плечами:

— Просто мне не хочется называть его отцом. А если говорить «Судья», то звучит так, будто я его уважаю.

И тут верблюдица ошарашенно уставилась на него, словно только сейчас осознала, что сходство Ли Вэя с Судьёй вообще-то может что-то значить:

— Ты... ты его...

— Сын.

Похоже, эта верблюдица была не особенно склонна думать. Ли Вэю пришлось сказать всё прямо, чтобы потом в их дальнейшем общении не всплыло неожиданной мины.

— Прости, но люди не выбирают, в какой семье родиться. Как выясняется, боги — тоже.

Верблюдица застыла в сильнейшем потрясении, раскрыв рот. Это было похоже на момент, когда пушистое существо, которое ты гладил, вдруг посреди ласки превращается в недоросшего людоеда.

Спустя какое-то время в её взгляде проступила всё более явная злоба. Похоже, она всерьёз задумалась, не похитить ли Ли Вэя, чтобы использовать его против Судьи. Ли Вэй поспешил предупредить её прежде, чем она что-нибудь выкинет:

— У нас с ним ужасные отношения. Я был уверен, что он умер как минимум десять лет назад, и только в последние дни узнал, что он всё ещё жив.

А, ну да. Звучит действительно по-отечески.

Верблюдица с трудом отказалась от этой опасной мысли и вернулась к изначальной теме:

— Тут вопрос не в том, можем мы его победить или нет. Судья хитёр. Мы просто не можем его поймать и ничего не можем с ним сделать. Со временем мои братья и сёстры почти все опустили руки. Например, один кот с крайне примечательной внешностью докатился до того, что теперь шатается по Юго-Восточной Азии и занимается мошенничеством.

— Так этот уродский кот — твой коллега?!

Чёрная свеча озвучила то, что Ли Вэй и сам давно хотел сказать. Но сразу после этого добавила:

— Быстро заberi назад его проклятие и пусть катится подальше. Нечего ему мешать Ли Вэю вкалывать на меня.

Ли Вэй, бедный подручный под началом Чёрной свечи: «...»

Белая верблюдица: «...»

Мир и правда тесен.

Теперь стало понятно, почему богиня смерти — начальство Чёрной свечи — в качестве подсказки назвала именно «Судью». Выходит, она с самого начала предвидела, к чему всё придёт.

— Я могу тебе помочь, — сказала белая верблюдица. — Я слышала, что у богини смерти есть Белая свеча, Чёрная свеча и Красная свеча. Белая отвечает за хорошие чувства, Чёрная — за месть, а Красная символизирует любовь, желание и страсть.

— По идее мы тоже должны были бы по отдельности управлять рождением, урожаем, войной, законами и прочими сферами. Но из-за того, что Судья забрал основу божества — источник нашей силы, — я и другие осколки божественной воли не имеем такого чёткого разделения обязанностей, как свечи богини смерти.

— У всех нас есть власть над желаниями. Просто кот больше склоняется к телесному, а я — к духовному. Поэтому с проклятием, которое наложил он, я могу разобраться вместо него.

Кроме того, они зависели от веры людей куда сильнее, чем богиня смерти.

Вот почему уродливый кот был готов даже давать в долг, лишь бы только действовать заодно с Юань Яном и повсюду выманивать подношения. Когда Юань Ян умер, кот немедленно, не брезгуя ничем, привязал к себе Ли Вэя. Даже если бы Ли Вэй не согласился стать следующим Юань Яном, после смерти он всё равно превратился бы для него в жертву, продлевающую существование.

Ничего из этого белая верблюдица вслух не сказала. И честь своей стороны сохранила, и свои слабости не раскрыла, и гнев Ли Вэя не стала провоцировать.

— Мне не нужна награда. В конце концов, кот сам виноват, — искренне сказала она. — Но разве бедуины не собирались просить Судью помочь тебе? Я хочу, чтобы ты сделал вид, будто проклятие не снято, и помог нам выманить его наружу.

Сначала происхождение Ли Вэя вызвало у неё настороженность, но почти сразу дало новую идею для мести.

Похоже, мудрая богиня смерти именно этого и добивалась.

Оказавшись в пустыне, Ли Вэй мог сделать сразу три вещи: во-первых, решить вопрос с проклятием, во-вторых, помочь белой верблюдице выманить Судью и, в-третьих, определить, на чьей он стороне, чтобы белая верблюдица по ассоциации не записала его в сообщники Судьи.

Можно сказать, одним выстрелом трёх зайцев.

Чем дольше белая верблюдица об этом думала, тем сильнее воодушевлялась. Кажется, ещё немного — и она бы уже открыла шампанское прямо в середине дела.

Но клюнет ли Райнер Ливиус на такую приманку?

Ли Вэй вспомнил, как много лет назад тот учил его ставить ловушки во время охоты.

Райнер Ливиус был специалистом по тактике. Он прекрасно умел видеть, как любое существо реагирует на самые первобытные потребности, а затем выстраивать атаку, опираясь именно на эти реакции.

— ...Можно попробовать.

Ли Вэй ответил неуверенно и уклончиво:

— Заодно я и сам хочу понять, во что он превратился за все эти годы.

— Отлично! Тогда выдвигаемся прямо сейчас и застанем его врасплох!

Белая верблюдица уже буквально потирала руки, а Ли Вэй едва поспевал за ходом её мысли:

— Подожди, ты что, вообще не собираешься готовиться? Ещё ведь даже не время, когда совет Чёрного Песка обычно вызывает Судью!

— Он наверняка уже здесь, — уверенно сказала белая верблюдица. — И по моему опыту, чем больше готовишься, тем больше лазеек Судья находит и использует против тебя. Лучше просто ударить внезапно и брать количеством, а не тонкостью.

— ...

Логично. Значит, она и правда не раз сталкивалась с Райнером Ливиусом.

События развивались слишком быстро. Ещё мгновение назад всё было только на словах, а теперь ему уже предстояло встретиться с Райнером Ливиусом лицом к лицу. Ли Вэй растерялся, но всё же сумел удержать внешнее спокойствие и сказал:

— Хорошо. Я пойду с тобой.

Белая верблюдица подозвала ещё одного верблюда, усадила Ли Вэя ему на спину, и они помчались по тропам Потустороннего мира в сторону городской черты Дубая. Заседания совета Чёрного Песка проходили в церкви, построенной на деньги Самира. Они срезали путь, обойдя места, где ни люди, ни машины пройти не могли, и вскоре уже увидели вдали церковный шпиль, похожий на луковку.

Будь у них сейчас взгляд сверху, они заметили бы мужчину средних лет с чёрными волосами, зелёными глазами и аккуратными короткими бакенбардами. Он сидел в золотой потайной комнате внутри церкви и что-то писал. В тот самый миг, когда Ли Вэй вошёл в пределы города, он как раз дописал последнее слово, убрал бумагу и письменные принадлежности, вышел из тайной комнаты и подошёл к заранее установленной снайперской винтовке.

Вокруг него не было ни души.

Оружие скрывалось среди зелени, а дуло было направлено прямо на боковую дверцу у входа в церковь. Если бы Ли Вэй уже бывал здесь раньше, он бы с изумлением обнаружил, что обзор с этой точки настолько идеален, будто тот, кто когда-то строил это место, специально оставил тут окошко для счастливой снайперской стрельбы.

Но даже Самир аль-Мактум об этом не знал.

Теперь у Райнера Ливиуса было множество способов атаковать, но больше всего он по-прежнему любил оружие. Эта привычка въелась ему в кости и почти не поддавалась изменению.

Он тщательно проверил затвор и все детали, затем сделал пробный выстрел по деревянному столбу в трёхстах метрах отсюда, чтобы откорректировать прицел. Это тоже было привычкой. Глаза у него уже давно развились до такой степени, что оптика почти не требовалась.

В оставшееся время, пока он ждал, он смотрел на живую, полную весенней силы зелень оазиса и на короткое мгновение вспомнил ребёнка, который когда-то был ещё совсем маленьким.

Это был мальчик, внешне похожий на него на восемь или девять частей из десяти. Но кроме этого сходства, во всём остальном он был вовсе не похож на Райнера Ливиуса.

Поначалу Райнер Ливиус мог поднять его одной рукой. Потом тот дорос ему до голени. Затем макушка мальчика поднялась до талии взрослого мужчины, потом до груди...

На этом воспоминание резко оборвалось.

Его сменила реальность.

Знакомый и вместе с тем чужой молодой человек шёл по зелёной сельской тропе к церкви. Выражение лица у него было спокойное, мягкое, черты — красивые и мирные, тело расслаблено, ни капли напряжения.

Во взрослом Ли Вэе было что-то, что Райнер Ливиус терпеть не мог, — та самая аура, которую рождает мирное общество.

Он не стал думать дальше и, наклонившись, положил палец на спусковой крючок.

Прицел скользнул по маленькому латунному кулону на груди Ли Вэя, на миг задержался, а затем переместился на гладкий лоб молодого человека.

Крючок медленно начал уходить вниз.

В этот миг время будто замедлилось. Райнер Ливиус почти ни о чём не думал. Его душевное состояние было таким же спокойным, как и наружное спокойствие, которое Ли Вэй сейчас изображал.

Но за полсекунды до выстрела красивая перелётная птица, распространённая в западных регионах, — золотистая щурка — подпрыгнула и издала крик, похожий на предупреждение. И в тот же миг пуля, пролетев между придорожными деревьями, чиркнула Ли Вэя по голове и

ударила в церковную ограду!

Эту пулю выпустил не Райнер Ливиус!

Кроме него, за Ли Вэем следил кто-то ещё — и тоже желал ему смерти.

Вот теперь на лице Райнера Ливиуса наконец появилось настоящее удивление.

Он предвидел, что Ли Вэй придёт. Предвидел, что рядом с ним скрываются его враги — боги. Но он никак не ожидал, что кто-то попытается убить Ли Вэя раньше него.

Недолго поразмыслив, Райнер Ливиус перенастроил винтовку и с невероятной скоростью вычислил местоположение этого незнакомого убийцы.

Тот выглядел азиатом. Азиаты по большей части умны, осторожны, но при этом решительны. Среди них часто рождаются выдающиеся люди.

Однако Райнер Ливиус никогда не щадил талант только потому, что жаль его губить.

Убедившись, что цель взята точно, он спокойно и без колебаний нажал на спуск.

Бах!

В тот миг, когда из винтовки вылетела гильза, на этой земле оборвалась ещё одна жизнь.

Но умер не Райнер Ливиус. И не Ли Вэй. И не кто-то из тех, кого можно было предположить.

Это был третий.

И откуда вообще взялся этот человек???

Пока Ли Вэй ещё пытался это осмыслить, белая верблюдица, превратившаяся в золотистую щурку, громко закричала:

— Он ушёл! Судья ушёл! Чёрт бы его побрал! Он понял, что у него есть только один шанс — воспользоваться моментом, пока мы не насторожились, и ударить неожиданно. Но после того как этот шанс ушёл на другого убийцу, он просто отказался от атаки!

<http://bllate.org/book/17014/1725082>